

Какаши поднялся со стула, румянец не совсем исчез, но он все еще выглядел нерешительным. Его рука дергала подол жилета, демонстрируя застенчивость. Она лучше многих знала, что Какаши не прикрывается, чтобы выглядеть загадочным или крутым. Он скрывал как можно больше себя, потому что стеснялся.

«Дело... не только в этом», - пробормотал ее друг, позволяя ей за руку подвести его к смотровому столу. Она приподняла бровь. «Это прямо рядом с моей меткой души. Это очень личное, понимаешь?»

Хана сочувственно сжала его руку. Она действительно знала. Большинство людей хранили свои знаки души в тайне, пока не находили того, кому они предназначались. Хана и сама была из таких людей, хотя с ее знаком возникла общая проблема: он был слишком обобщенным. Расплывчатые очертания щенков на ее ребрах могли принадлежать абсолютно любому человеку из ее клана. Для нее увидеть метку Какаши было очень интимным делом, но Хана считала, что здоровье важнее зоны комфорта.

«Это личное, - согласилась она, - но за раной нужно ухаживать. Ты же знаешь. Я постараюсь не смотреть слишком пристально. Я могу принести вам что-нибудь, чтобы вы ее закрыли?»

Какаши пробормотал себе под нос, что ему все равно придется показать ей свою задницу, но все же медленно потянулся к пуговице штанов. Хана улыбнулась и протянула ему полотенце. Сколько девушек в этой деревне отдали бы правое легкое за то, чтобы увидеть Хатаке Какаши, склонившегося над её медицинским столом с откляченной задницей? Наверное, три четверти из них.

Она старалась не улыбаться, глядя на то, как Какаши, отвернувшись, медленно опускает пояс штанов и одновременно с этим спускает трусы, обнажая самую бледную попу, которую она когда-либо видела. Его кожа была почти такой же белой, как и волосы, а на его попе виднелись упругие мускулы, и она смахнула с лица крошечную капельку слюны. Стараясь сохранять профессиональное спокойствие, она смотрела в потолок, пока Какаши не накрыл себя полотенцем, а затем перевела взгляд на рану.

Выглядело это так, словно он едва увернулся от летящего куная, а не был им ранен, как она предполагала. Порез был около дюйма в длину и не настолько глубоким, чтобы беспокоиться о том, что внутрь попали осколки. Однако ране явно было несколько дней, и за ней не ухаживали должным образом. Какаши не шевелился, пока она очищала рану и сшивала два края. Она знала только одно базовое исцеляющее дзюцу, которое можно было использовать на людях, и оно помогло лишь снять воспаление, но она видела, как расслабляются его мышцы по мере того, как чакра уносит боль.

Когда Хана сделала все, что могла, она наложила на порез повязку. Если она потратила чуть больше времени, чем нужно, чтобы убедиться, что клейкая лента наложена правильно, это было ее личное дело. У Какаши была отличная задница, и она не стеснялась использовать свои возможности по мере их поступления. Когда она больше не могла тянуть, Хана не удержалась от небольшой дразнилки.

«Все, Какаши. Жаль. Мне было весело». Она дружески похлопала его по обтянутой тканью заднице, не ожидая такой резкой реакции.

Какаши вскрикнул и подпрыгнул почти на фут от земли, наполовину повернувшись, чтобы посмотреть на нее в шоке. Потом он понял, что, повернувшись, обнажит и другие части тела, и снова вскрикнул, выставив вперед обе руки, чтобы заслониться, и попятился назад, чтобы оказаться лицом к столу. Его затылок был почти такого же оттенка, как клановые отметины на лице Ханы.

«Хана!» - запротестовал он, голос его дрогнул от смущения. Хана не обращала на него внимания. Она смотрела на внезапно открывшуюся ей метку души, и полотенце упало, когда он поспешил прикрыться. Мышцы его поясицы подпрыгнули под ее прикосновением, когда она прижала к нему руку, чтобы он не двигался. «Что ты делаешь!?»

«Какаши, как внимательно ты смотрел на свою метку души?» - спросила она слабым голосом.

«Она на моей заднице, но я не могу ее разглядеть. Я знаю, что это собака». Он отказывался смотреть на нее, но в его голосе слышались слабые нотки любопытства. «Почему?»

«Потому что это моя собака!»

«Я... что?» Это привлекло его внимание, побудив повернуть голову и заглянуть через плечо, как будто он мог увидеть, о чем она говорит. «Что ты имеешь в виду?»

Хане было трудно дышать, когда она ответила: «Я имею в виду, что твоя метка души - это очень подробное изображение Нацуки! С бантиком на голове и все такое!» Его глаза встретились с ее глазами через плечо, и они несколько секунд смотрели друг на друга.

«Можно мне снова надеть штаны?» - жалобно спросил он. Против воли она хихикнула, но кивнула. Какаши натянул на себя одежду и повернулся к ней, только когда был полностью укрыт. Он переминался с ноги на ногу, потирая затылок, и наконец робко спросил: «Могу я узнать, кто вы?»

Хана без колебаний расстегнула плащ и приподняла рубашку настолько, что стала видна неясная метка, которая не давала ей покоя с тех пор, как она стала достаточно взрослой, чтобы понять, для чего она нужна. Какаши долгое время молча изучал ее. Она видела, как его глаза медленно поворачиваются, чтобы рассмотреть каждый из почти бесформенных пятен, все они были немного другого цвета и размера.

«Это мои нинкены».

«Что?» Хана пыталась разглядеть складки рубашки, не обнажая всю грудь. «Покажи мне».

Какаши указал на каждую из фигур, называя по очереди своих нинкенов. Когда он закончил, она удивилась, как могла не заметить его. Цвета и размеры соответствовали каждой из его собак, а некоторых из них можно было даже определить по породе, если хорошенько присмотреться. Хана подняла глаза и уставилась на Какаши. Она не могла найти слов, чтобы что-то сказать. Какаши был одним из ее самых близких друзей на протяжении многих лет, так как же она никогда не задумывалась над этой идеей? Сколько лет она была влюблена в него, даже не задумываясь о том, что он может быть её суженым? Очень часто люди заключали браки внутри своего клана, и она думала, что станет одной из них.

Хана едва не проглотила язык от удивления, когда Какаши вдруг подался вперед и поцеловал ее. Он не был человеком, которому обычно нравится физический контакт, предпочитая оставаться в тени и в безопасности внутри своего личного пузыря. Поэтому она была вдвойне удивлена, когда обнаружила, что он хорошо целуется, даже сквозь маску. Когда они расстались, она едва сдержала протест.

«Прости, я просто был счастлив?» пробормотал Какаши, опустив глаза к полу и потирая голову. Он был таким застенчивым. Хана удивлялась, почему у всех всегда складывалось впечатление, что он просто крутой и обходительный. Он был самым очаровательно неловким человеком, которого она когда-либо встречала.

И он был ее суженым. Ей хотелось визжать.

Вместо того чтобы ответить на его ненужные извинения, Хана притянула его ко второму поцелую. Он издал восхитительный звук, и она почувствовала, как одна из его рук в перчатках забралась в ее волосы и прижалась к ее затылку. Она вдруг порадовалась, что его встреча была последней в этот день, потому что после такого открытия она бы точно больше ничего не успела сделать.

«Эй! Расстаньтесь, вы двое!» - раздался рычащий голос из угла комнаты. «Мы не хотим этого видеть!»

Хана и Какаши переглянулись и увидели, что Бык и Нацуки смотрят на них со страдальческим выражением лица. Прежде чем ее спутник успел что-то сказать, Хана с насмешкой ответила: «Тогда не смотри». Затем она снова поцеловала его, не обращая внимания на вопли, доносящиеся с другого конца комнаты. В конце концов, им придется привыкнуть к этому.